

тике эпохи — к антифеодальной теме. Образы русского крепостного Петрушки-Октара и вождя черных повстанцев на Сан-Доминго Абиороко — этапы одной и той же антифеодальной темы в творчестве Дефоржа.

Он может привлечь наше внимание еще в одном плане. Как мы видим, Дефорж был писателем очень мало самостоятельным. В начале своего творческого пути он подражал прославленным мастерам текстов сентиментальной оперетты — г-же Фавар и аббату Вуазенону и поэтам легкого жанра Пирону и Парни. Позднее — поэтам и драматургам якобинцам Фабру д'Эглантину и Сильвэну Марешалю. В эпоху Директории он вернулся к излюбленной им и наиболее доходной гривуазной теме. Таким образом, он не творец, а только зеркало. Но именно поэтому VIII том его «Мемуаров», описывающий его пребывание в России,²⁹ и пьеса «Федор и Лизанька» примечательны для нас как своеобразное отражение настроений и взглядов его русских собеседников.

Как известно, тема взаимоотношений между помещиками и крепостными, широко дебатировавшаяся в русских журналах конца 60-х годов XVIII века, исчезает со страниц печати в 70-х годах — со времени восстания под руководством Пугачева. Тема была столь одиозна и запретна, что, кроме официального негодования, мы ничего в русской печати того времени не находим, вплоть до выхода «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева. В этот почти двадцатилетний период тема борьбы с крепостным правом вырождается в невинное обличение дурного обращения господ со слугами и в призывы к господам быть добрыми, а к слугам — послушными. Пьеса Дефоржа, которая меньше всего выражала его собственное мнение (он и не имел его никогда, а тем более в русских делах!), помогает нам в какой-то мере узнать, как действительно оценивали это историческое событие — одно из важнейших в жизни страны — те деятели русской культуры, с которыми он встречался. Взгляды собеседников Дефоржа сказываются и в оценке бунта крепостных как неизбежного протеста против «тиранства» господ. В то же время в пьесе чувствуется неверие в силы самостоятельного крестьянского бунта и страх перед возможностью того, что этот бунт найдет себе достойного вождя. А таковым с точки зрения дворянина екатерининской эпохи мог быть только равный ему по крови. Поэтому можно полагать, что не только в силу литературной традиции Петрушка-Октар оказывается рабом не по рождению, а лишь в силу случайности. Но и при всем том

²⁹ Это, к сожалению, не учтено ни одним каталогом Russica.